

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-2-6-12
УДК 321/351(045)

Деструктивная идеология: понятие и смысловые границы

П.А. Шашкин, А.Б. Рудаков
Институт Наследия, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблематика управленческого применения термина «деструктивная идеология», введенного в российское правовое поле с утверждением в 2022 г. Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. В исследовании анализируются присутствующие в научной дискуссии интерпретации нового термина в правовом, политологическом и социально-философском контекстах, представлено авторское прочтение термина «деструктивная идеология» как системы идей, направленных на целенаправленное разрушение традиционных ценностей, формирующих самосознание народа, и их замещение исторически чуждыми российскому обществу, несущими в себе угрозу его саморазрушения, дискредитации государственно-вообразующих публичных институтов, присваивания функций государства альтернативными структурами, в том числе криминальными. Предложенная авторами терминология может быть использована в целях корректного применения управленческого инструментария государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей и эффективного противодействия социокультурным угрозам национальной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: традиционные российские духовно-нравственные ценности; деструктивная идеология; культурная политика; национальная безопасность; государственное управление; стратегическое планирование; российская культура; социокультурные угрозы; культурный суверенитет; проблемные ситуации в культурной сфере

Для цитирования: Шашкин П.А., Рудаков А.Б. Деструктивная идеология: понятие и смысловые границы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(2):6-12. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-2-6-12

ORIGINAL PAPER

Destructive Ideology: Concept and Semantic Boundaries

P.A. Shashkin, A.B. Rudakov
Heritage Institute, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article examines the challenges of applying the term “destructive ideology” in management, which was introduced into the Russian legal system in 2022 with the approval of state policy aimed at preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values. It analyses the interpretations of this new term in scientific discussions in legal, political and socio-philosophical contexts. The author’s interpretation of “destructive ideology” is presented as a system of ideas, which is aimed at purposeful destruction of traditional values that shape the self-identity of people and replacing them with concepts that are historically alien to Russian society. This could discredit state-forming institutions and lead to the self-destruction of society and the usurpation of state powers by alternative structures, including criminal organizations. The terminology proposed by the authors can be used to correctly apply management tools of state policy in order to preserve and strengthen traditional values, as well as effectively counter sociocultural threats to the national security of the Russian Federation.

Keywords: traditional Russian spiritual and moral values; destructive ideology; cultural policy; national security; public administration; strategic planning; Russian culture; sociocultural threats; cultural sovereignty; problematic situations in the cultural sphere

For citation: Shashkin P.A., Rudakov A.B. Destructive ideology: Concept and semantic boundaries. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(2):6-12. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-2-6-12

Термин «деструктивная идеология» официально введен в российское правовое поле с утверждением в 2022 г. Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей¹ (далее — Основы). Формируемый в настоящее время управленческий инструментарий указанного документа предполагает реализацию государством и гражданским обществом комплекса мер, направленных на профилактику проявлений деструктивной идеологии и пресечение деятельности, связанной с ее распространением, в целях нейтрализации социокультурных угроз национальной безопасности Российской Федерации.

Очевидным образом управленческая правоприменительная практика требует ясных и объективных критериев, характеризующих проявления деструктивной идеологии как конкретные антиобщественные либо антигосударственные действия (бездействие) лиц, наносящие ущерб духовно-нравственным устоям общества и подрывающие сами основы конституционного строя, его традиционные ценности и смыслы, следование которым формирует преемственное развитие Российской государственности (пп. 28, 90 Стратегии национальной безопасности РФ²; п. 7 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей).

В связи с этим представляется важным акцентировать внимание на необходимости различать «деструктивную идеологию» как правовой термин и общее понятие о деструктивной идеологии в иных сферах научного знания, при этом констатируя, что происходящие в научном сообществе дискуссии являются, безусловно, продуктивными с точки зрения осмысления значения и места нового термина в системе российского права и его интерпретации в политологическом и социально-философском контекстах.

¹ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://kremlin.ru/acts/news/>

² Указ Президента РФ от 02.08.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>

Появлению нового термина предшествовала длительная дискуссия, в ходе которой имели место различные подходы к определению понятий «деструктивная идеология» и «деструктивные идеологии» и близких к ним — «антиобщественная идеология» и «антиобщественные идеологии». Важное значение для уточнения термина «деструктивные идеологии» имели исследования Л. А. Калинина [1], который предложил классификацию на основе пяти главных признаков (по источникам деструктивной идеологии, из которых заимствуются те или иные понятия или символы; по характеру деструктивного воздействия; по претензиям на полноту присутствия в обществе; по степени географической распространенности; по отношению к процессам глобализации). Несомненный интерес для дальнейшего развития управленческой практики профилактики и пресечения проявлений деструктивной идеологии представляют предложенные автором описания деструктивных идеологий, основанных на сочетании «эскапизм-энтропизм», где характерными чертами выступают крайний индивидуализм, антиэтатизм, стремление к разрыву социальных связей, пропаганда социального иждивенчества и ведущего к разложению личности девиантного поведения (промискуитета, алкоголизма, наркомании и пр.), а также идеологий типа «энтропизм-экстремизм», для которых характерен запрос на «минимальный социальный контроль при максимальной агрессивности», «неограниченное стремление к свободе личности, ущемлению интересов социума (институтов, традиций, связей) в пользу индивида», «приоритет гедонистских стремлений индивида, эгоистического поведения в социуме над идеями самоограничения и перераспределения материальных благ в пользу социально неблагополучных слоев» [1]. Примечательно, что упомянутые идеологии при разном уровне агрессивности объединяет отрицание ценности и роли в общественной жизни государства и его управленческого воздействия (государственного, в том числе культурного, суверенитета), следовательно, и существования общенациональной системы ценностей и смыслов как основы единого культурного пространства.

Предпринятый Л. А. Калининым анализ представляет собой значительный шаг вперед по сравнению с иными исследованиями

деструктивных идеологических проявлений, поскольку охватывает не только идеи, содержащие призывы к свержению конституционного строя, насилию, межнациональной или межрелигиозной розни (т.е. проявления экстремизма), но и представления, ведущие к моральному разложению и личностной деградации человека, а также идеологии, призывающие к социальному эгоизму, берущие на вооружение принципы социал-дарвинизма.

Необходимо отметить точку зрения Е. А. Розенко [2], заключающуюся в том, что под «деструктивными идеологиями» следует понимать в основном деструктивные идеи криминального характера, последователи которых в дальнейшем выступают активными сторонниками и носителями криминального мировоззрения, политического радикализма либо синкретизма экстремистских и криминальных идеологий. Взаимодействие данных деструктивных направлений дает синергетический эффект, запуская процесс формирования единого деструктивного фона, где деструктивные идеи вытесняют в сознании молодежи традиционные российские ценности. Предложенная автором концепция «деструктивного фона» представляет несомненный интерес, позволяя перебросить смысловой мост от представления о «деструктивных идеологиях» во множественном числе к объединяющему понятию «деструктивная идеология».

В качестве очевидной характеристики деструктивной идеологии может рассматриваться наличие у ее носителей социально опасных дефектов (отклонений) правосознания личности, которые выступают детерминантами противоправного (преступного) поведения граждан, что, в свою очередь, обусловлено среди прочих факторов целенаправленной деятельностью по дискредитации государственной власти и законности как таковой [3].

Наиболее обоснованным представляется научный подход, при котором деструктивная, антиобщественная, экстремистская идеологии, а также идеология терроризма связаны друг с другом по «принципу матрешки», т.е. каждая последующая разновидность обладает как всеми признаками предыдущей, так и новыми характеристиками, увеличивающими ее общественную опасность. В то же время большая часть проявлений деструктивной идеологии не

входит в правовой контур определений экстремистской или террористической идеологии и имеет свои особенности, которые следует учитывать, говоря о ней в прикладном управленческом аспекте. Это необходимо с точки зрения расстановки ясных акцентов и четких ориентиров для всех государственных органов, призванных заниматься профилактикой противоправного и антиобщественного поведения, укреплением традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

В этом контексте деструктивную идеологию следует рассматривать не только как систему идей, создающих непосредственную угрозу гражданам и государственным институтам и чреватую противоправными действиями, но и как совокупность представлений, формирующих длящиеся во времени риски и долгосрочные угрозы национальной безопасности.

Согласно определению Основ (п. 14)³, деструктивная идеология — это чуждая российскому народу и разрушительная для российского общества система идей и ценностей, включающая в себя:

- культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности;
- отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству;
- отрицание идеи созидательного труда;
- отрицание естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности;
- разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений;
- отрицание позитивного вклада России в мировую историю и культуру.

В то же время (и этому следует уделить особое внимание) деструктивная идеология, согласно Основам, характеризуется не только антиобщественными проявлениями, но и содержит в себе отличительные признаки подрывной работы, такие как:

- целенаправленность и организованность деятельности зарубежных и внутренних публично-правовых образований, организаций и лиц по ее распространению (пп. 13, 16 Основ), представляющая объективную угрозу национальным интересам, т.е. формирующая

³ URL: <http://kremlin.ru/acts/news/69810>

конкретные угрозы национальной безопасности страны, ее государственному суверенитету;

- деятельность, создающая серьезные риски для развития и безопасности всего общества и государства в целом в среднесрочной и долгосрочной перспективе (п. 17 Основ).

Участие в этом может носить как открытый, так и неявный характер, но конечная цель всегда заключается в ослаблении либо подрыве государственного суверенитета, в том числе культурного. Разрушение «сильного государства» с обширной сферой влияния [4] предусматривает как ослабление — «снижение качественных характеристик реализации функций государства в наиболее важных сферах общественной жизни» (что постепенно ведет к деградации публичных институтов) — так и подрыв государственного суверенитета, включая «утрату способности государства реализовывать такие функции» и их целенаправленное присваивание альтернативными структурами, в том числе олигархическими, а также организованными преступными сообществами [5]. Очевидным образом делигитимация публичных институтов взаимосвязана с саморазрушением общества, искажением правосознания, традиционных исторически сложившихся идентичностей и моральных устоев граждан, фрагментацией единого культурного пространства страны.

В этом контексте не всякие антиобщественные либо антигосударственные поступки могут быть отнесены к проявлениям собственно деструктивной идеологии и выступать объектами управленческого воздействия в рамках реализации мер противодействия ее распространению (например, бытовое хулиганство и вандализм, алкоголизм и наркомания, нежелание без объективных причин иметь детей, отрицание ценности семьи и подобные антиобщественные проявления), а только те из них, которые обладают приведенными выше признаками и являются прямым следствием целенаправленной деструктивной деятельности подрывного характера. Государственная политика по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей не предполагает борьбу «за все хорошее против всего плохого», но представляет собой деятельность по противодействию социокультурным угрозам национальной безопасности России

в части, касающейся защиты традиционных ценностей (п. 9 Основ)⁴. В связи с этим эффективное противодействие целенаправленному и организованному распространению деструктивной идеологии лицами, осуществляющими подрывную деятельность (пп. 13, 16 Основ), — одна из главных целей управленческого воздействия, в то время как укрепление традиционных ценностей, обеспечение их передачи от поколения к поколению — другое направление такого воздействия, относящееся преимущественно к сфере национального развития (пп. «а», «б» п. 23 Основ).

«Проблемные ситуации, связанные с сохранением и укреплением традиционных ценностей», мониторинг которых отнесен к организационным инструментам реализации государственной политики (пп. «в» п. 26, пп. «в» п. 29 Основ), представляют собой, таким образом, открытые либо латентные действия (бездействие), создающие серьезные риски распространения деструктивной идеологии в обществе. Как ранее отмечалось авторами, под проблемными ситуациями (конфликтами) предлагается понимать такие, при разрешении которых необходимо осуществление управленческого воздействия государства как защитника культурного суверенитета и гаранта безопасности [6].

В обобщенном виде деструктивная идеология — это идеология, направленная на разрушение традиционных духовно-нравственных ценностей, формирующих самосознание народа и определяющих национальные интересы страны как историко-культурной и гражданской общности, и их замещение исторически чуждыми российскому народу ценностями, несущими в себе угрозу саморазрушения общества, дискредитации его государствообразующих публичных институтов, присваивания функций государства альтернативными структурами, в том числе криминальными.

При этом, как правило, на стартовой фазе своего распространения она во многих случаях может и не иметь признаков идеологии насилия или экстремизма, не содержать прямых призывов к свержению конституционного строя, к противоправным действиям в отношении граждан или государственных институтов. Объектом

⁴ URL: <http://kremlin.ru/acts/news/>

нападок со стороны деструктивной идеологии на данной стадии являются в первую очередь традиционные духовно-нравственные ценности, ослабление или разрушение которых уже в дальнейшем становится фактором, наносящим ущерб нравственному и физическому здоровью граждан и безопасности государства.

Как показывает практика, деструктивная идеология зачастую видоизменяется в сторону большой радикализации, деятельность ее последователей приобретает экстремистский характер. Многочисленные примеры подобного рода наблюдаются как в Российской Федерации, так и за рубежом. Очевидна, к примеру, связь «движения ЛГБТ» (решением Верховного Суда РФ «международное движение ЛГБТ» признано экстремистским и запрещено в России) и BLM, участники которого организовали массовые беспорядки более чем в 200 городах, в ходе чего погибли 25 человек. Данную оценку фактически подтвердил научный сотрудник программы «Столичная политика» Брукингского института Карл Ромер, отметивший, что «цветные представители ЛГБТ-сообщества составляют ядро движения не только за права ЛГБТ, но и за права цветных людей и представителей коренных народов»⁵. Подобная закономерность прослеживалась не только в США, но и Европе, где также прошли акции движения BLM [7], при этом в рядах протестующих отмечалось большое количество «сторонников гендерного равенства», «активистов ЛГБТ-движения». Как замечает социальный антрополог, старший научный сотрудник Института исследований культуры НИУ ВШЭ Артем Космарский, «империализм стремится разрушить любые стабильные традиционные структуры государств мира, чтобы включить их в глобальную экономику», при этом «страны Запада, будучи в авангарде глобальной экономики, заинтересованы в размывании и разрушении, дестабилизации любых идентичностей, в том числе сексуальных»⁶.

В качестве примера радикализации деструктивной идеологии в Российской Федерации можно указать на деятельность движения «Арестантское уголовное единство»⁷, признанного экстре-

мистским решением Верховного Суда России от 17 августа 2020 г. и запрещенного в Российской Федерации. До этого момента деструктивная идеология, основанная на нигилистическом отвержении российских традиционных ценностей и пропаганде криминального образа жизни, формально не подпадала под признаки экстремистской, однако с момента своего зарождения проделала путь от игровой популяризации криминального сленга до фактической вербовки несовершеннолетних в организованные преступные сообщества.

Другим примером радикализации сообществ, где распространялась деструктивная идеология, стала эволюция так называемых «свидетелей СССР», т. е. людей, именовавших себя советскими гражданами (впоследствии организованные структуры «Граждан СССР» признаны экстремистскими и запрещены в России) [8]. Изначально их поведение рассматривалось как девиантное, но не представляющее общественную опасность. Однако в дальнейшем эта разновидность деструктивной идеологии вошла в сложный симбиоз с другими деструктивными идеологическими течениями, в частности, с широко распространенной в США идеологией «живых людей-суверенов», а также с доктринами ряда неоязыческих учений, что создало предпосылки для ее радикализации. Появились призывы и требования не соблюдать российские законы, не исполнять требования органов публичной власти, не вносить плату за коммунальные услуги и т. д. В дальнейшем все это привело к массовым беспорядкам в Республике Северная Осетия — Алания в апреле 2020 г.⁸

Обобщая сказанное, необходимо отметить, что не следует недооценивать опасность распространения деструктивной идеологии даже в том случае, если ее проявления формально не носят экстремистский характер. Как показывает практика, она может за короткий срок приобрести более радикальные формы и экстремистские черты. В связи с этим своевременное и скоординированное реагирование органов публичной власти и институтов гражданского общества на проявления такой идеологии, оперативное принятие необходимых управ-

⁵ URL: <https://tossaprimavera.ru/news/e295e6b3>

⁶ URL: <https://monocle.ru/expert/2023/10/lgbt-politika-i-antropologiya-otkaza-ot-buduschego/>

⁷ URL: <https://rg.ru/2020/09/02/verhovnyj-sud-priravnial-ugolovnye-poniatia-k-ekstremizmu.html?ysclid=lm6duadst5713722363>

⁸ Сторонники СССР нарушили самоизоляцию. Во Владикавказе вышли на митинг «против вранья о коронавирусе». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4326772> (дата обращения: 05.09.2023).

ленческих мер по результатам мониторинга проблемных ситуаций, связанных с сохранением и укреплением традиционных ценностей, имеет ключевое значение для нейтрализации социокультурных угроз национальной безопасности и выявления рисков недостижения стратегических целей государственного строительства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Калинин Л. А. К вопросу о типологизации деструктивных идеологий. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2007;1(6):141–147.
2. Розенко Е. А. Правовое противодействие деструктивным идеологиям в Российской Федерации: криминологическая характеристика, особенности, тенденции. *Вестник Югорского государственного университета*. 2019;3(54):41–47.
3. Воробьев С. М., Лещенко О. М. Деформация правосознания личности в условиях дискредитации власти в Российской Федерации. *Вестник Томского государственного университета*. 2019;(442):217–225.
4. Керимов А. Д. Государственная организация общественной жизнедеятельности. Вопросы теории. М.: Норма, 2018. 192 с.
5. Красинский В. В. Современные подходы к теоретическому обоснованию защиты государственного суверенитета. *Российский журнал правовых исследований*. 2015;2(3):97–112.
6. Шашкин П. А., Рудаков А. Б., Волобуев С. Г. Мониторинг проблемных ситуаций в сфере культуры как управленческий механизм противодействия социокультурным угрозам российскому обществу и государству. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(2):19–25.
7. Лункин Р. Н. Антирасистские протесты в Европе. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2020;5(17):106–112.
8. Силантьев Р. А., Стрекалова О. Ю. «Суверены» и некрокоммунисты — к феномену новой группы сект на постсоветской прострaнстве. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. 2021;1(842):53–59.

REFERENCES

1. Kalinin L. A. On the issue of typology of destructive ideologies. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Serija: Social'nye nauki = Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*. 2007;(1):141–147. (In Russ.).
2. Rozenko E. A. Legal counteraction to destructive ideologies in the Russian Federation: criminological characteristics, features, trends. *Vestnik Jugorskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Ugra State University*. 2019;(3):41–47. (In Russ.).
3. Vorob'ev S. M., Leshhenko O. M. Deformation of an individual's legal consciousness in conditions of discrediting the authorities in the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*. 2019;(442):217–225. (In Russ.).
4. Kerimov A. D. State organization of public life. Theory issues. Moscow: Norma; 2018. 192 p. (In Russ.).
5. Krasinskij V. V. Modern approaches to the theoretical substantiation of the protection of state sovereignty. *Rossiiskij zhurnal pravovyh issledovanij = Russian Journal of Legal Studies*. 2015;(2):97–112. (In Russ.).
6. Shashkin P. A., Rudakov A. B., Volobuev S. G. Monitoring of problem situations in culture as a management tool for counteracting socio-cultural threats to Russian society and the state. *Gumanitarnie nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanitarian and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(2):19–25. (In Russ.).
7. Lunkin R. N. Anti-racism protests in Europe. *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN = Scientific and analytical bulletin of the Institute of Europe RAS*. 2020;(5):106–112. (In Russ.).
8. Silant'ev R. A., Strekalova O. Ju. "Sovereigns" and necrocommunists — to the phenomenon of a new group of sects in the post-Soviet space. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshhestvennyye nauki = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences*. 2021;(1):53–59. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Павел Александрович Шашкин — кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт Наследия, Москва, Россия

Pavel A. Shashkin — Cand. Sc. (Philosophy), Senior Researcher, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-5877-8531>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

paulshahskin@list.ru

Александр Борисович Рудаков — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт Наследия, Москва, Россия

Aleksandr B. Rudakov — Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-7307-2759>

labarum-ar@yandex.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.12.2023; принята к публикации 15.01.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.12.2023; accepted for publication on 15.01.2024.

The authors read and approved the final version of the manuscript.